

Ты больше не монстр-лис. Ты один из моих товарищей по команде из Конохи, Курама.

Наруто впервые назвал его по имени, и воспоминание об этом заставило Кураму зажмурить глаза, провести рукой по лицу и сосредоточиться на дыхании. Товарищи, а он и не думал, что его когда-нибудь еще так назовут, потому что... потому что это миссия, один в чужой, враждебной стране, и Курама не может позволить ничему отвлечь его, поставить в тупик. Ничто не помешает ему уничтожить Акацуки и разрушить все пути Кагуи к существованию, но...

Это... приятно. Приятно слышать, приятно знать, что хоть на несколько часов он стал тем, кем был раньше, частью чего-то большего. Партнером, пусть и не для Наруто.

Конечно, это никогда не повторится, но Курама все равно может оценить, что это произошло.

Хватит, говорит он себе, и на этот раз это срабатывает. Он стряхивает с себя все мысли, засовывает воспоминания о словах Наруто и убеждениях яркими краями обратно в себя и отворачивается. Заманчиво уйти сейчас, отправиться на базу Акацуки в Горном кладбище, но у него пока нет плана, нет даже самого смутного представления о нем. Одна ночь, чтобы отдохнуть, в безопасности, в деревне шиноби и в теплой постели, не помешает.

Завтра он найдет Наруто, даже если ему удастся лишь пройти мимо него на улице. Завтра он убедится, что с его джинчуурики все в порядке, а потом уйдет.

Он еще раз повторяет себе, что не оглянется назад.

"Если кто-то искал актера, способного сыграть Узумаки, то он нашел Кураму по достоинству", - с легкой усмешкой говорит Сандайме.

Какаши не смотрит на Хокаге - его взгляд устремлен на четыре длинные царапины, украшающие маску в его руках, - но кивает в знак согласия. Именно так отреагировала Кушина в тот раз, когда Минато попытался разделить с ней плату за миссию. Конечно, тогда она тоже била его по голове своим танто в ножнах и дала такого пинка под зад, что он полетел лицом в грязевую лужу, и Какаши с облегчением отметил, что характер Курамы, похоже, не совсем совпадает с ее, даже если остальные их действия до жути похожи.

"Думаешь, он актер?" - спрашивает он, наконец подняв глаза.

Сарутоби слегка поджимает губы и вздыхает, отворачиваясь к окну. "Я не знаю", - говорит он через мгновение. "Возможно, это очень хитрая ловушка, учитывая, кто еще носит фамилию Узумаки, но... в этом человеке есть печаль, Какаши, и я не думаю, что ее можно подделать".

Какаши вспоминает голос Курамы, когда тот говорил о своих братьях, вспоминает его грустную улыбку, когда он произносил его имя. Вспоминает моменты невнимательности на дороге, тронутые мрачностью, то, как он смотрел на Коноху, когда она появлялась в поле зрения. Неуверенность, настороженность, обида, тоска, печаль - все это играло на его лице, а потом было решительно засунуто подальше и проигнорировано.

Такая реакция была хорошо знакома Какаши.

"Узушио пал давным-давно", - наконец произносит он.

Сарутоби хмыкает, не то чтобы соглашаясь, но признавая фактическое утверждение. "Так и было. Однако Кураме тогда было не больше двенадцати, а потери, понесенные в детстве,... трудно преодолеть". Он бросил на Какаши полувзгляд, прежде чем отвернуться, и Какаши поморщился, поняв, что это было сказано в его адрес. Совершенно верно, но... немного более откровенно, чем Хокаге обычно позволял себе. Впрочем, встреча с призраком всегда настораживает. Даже если это всего лишь призрак потерянного рода.

Какаши осторожно положил маску на стол между ними, убедившись, что следы когтей хорошо видны, и сказал: "То, что он использовал против бандитов, я никогда не видел такой способности. Это было похоже на ударную волну. Не гравитация, просто... сила. Достаточно, чтобы сломать кости".

"Насколько я знаю, у Узумаки не было уникальных кеккей-генкай", - после некоторого раздумья сказал Сарутоби. "Но Курама вряд ли выглядит чистым Узумаки. Возможно, что-то от другого родителя? Учитывая состояние наших отношений с Кумо, мы вряд ли можем рассчитывать на полную информацию об их родословной". Он слегка прикасается к поверхности маски, затем поднимает взгляд. "Поскольку ты уже видел, как он сражается, я хочу, чтобы ты последовал за ним, либо как Гончая, либо как ты сам. Кем бы он ни был, вопросов слишком много, и я не хочу, чтобы его застали врасплох".

"Да, Хокаге-сама", - пробормотал Какаши, отвесив короткий поклон и отойдя в сторону. Шуншин выносит его на улицу, и он останавливается в лунном свете, окидывая взглядом спящую деревню.

Курама попятился, когда Какаши назвал его товарищем. Его глаза расширились, дыхание сбилось, и он застыл, словно Какаши ударил его ножом. Вот только от удара ножом он, скорее всего, не смог бы даже моргнуть, а слова Какаши практически подкосили его ноги. Это была реакция одинокого человека, человека, у которого ничего нет и который не надеется, что это состояние когда-нибудь изменится.

Какаши это тоже хорошо знакомо - по первым беспросветным дням после самоубийства Рин, а затем и после смерти Минато. Это говорит о потере, которая выпотрошила, которая чуть не убила. Потеря, которая была бы добрее, если бы не была смертельной, потому что то, что она оставляет после себя - шелуху, куклу, порождение горя, гнева и ноющего, раздражающего одиночества, - хуже любой смерти.

Его подозрения ничуть не ослабли. Курама по-прежнему на полшага выше врага, и его удерживает от этого только искренность его реакции на Нахо. Одно неверное движение - и Какаши без колебаний убьет его, чтобы устранить угрозу для деревни и Наруто.

Однако это не значит, что он не может понять его горе. Он понимает его слишком хорошо.

Устало вздохнув, Какаши призывает Бизуке - одного из своих нинкенов, на которого можно положиться, в отличие от большинства из них, - и посылает его за рыжим, приказав доложить, когда тот очнется. Какаши, в свою очередь, направляется в свою крошечную квартирку, более чем готовый ко сну. Миссия была не слишком напряженной, но целый день, проведенный рядом с человеком, который в любой момент мог напасть на него или попытаться похитить незаконнорожденную дочь и единственного наследника даймё, оставил его напряженным и жаждущим нескольких часов бездумья.

Однако, несмотря на тягу к бессознательному состоянию, ноги сами несут его мимо здания, через затемненную тренировочную площадку с тремя знакомыми столбами и, наконец, останавливаются перед до боли знакомой фигурой.

Слишком темно, чтобы прочесть имена, высеченные на мемориальном камне, но даже так глаза Какаши безошибочно попадают на нужные строки, и он засовывает руки в карманы бронежилета, произнося беззвучное приветствие.

Обито.

Рин.

Минато.

Кушина.

Шесть лет прошло с тех пор, как были добавлены два последних имени. Шесть лет прошло с тех пор, как Какаши потерял самое близкое, что у него было, - семью после самоубийства отца. Шесть лет прошло с тех пор, как он бросился в ANBU, не ожидая, что сможет выжить. Но он гений, как бы мало пользы это ему ни принесло, и часть его гениальности - умение приспособливаться. Он выжил, хотя и не ожидал этого.

И теперь, оглядываясь назад, он жалеет об этом. Не о своем выживании, а о решении в целом. Прошли годы, и он смирился с действиями Сандайме, Минато, Кушины. Он также понимает, что выбор Минато был необходим для деревни, и хотя ему всегда будет не хватать своего сенсея, он гордится им.

Единственный, кого он по-настоящему ненавидит, - это он сам.

Шесть лет назад он похоронил себя в АНБУ - наполовину медленное самоубийство, наполовину стремление к забвению, и только сейчас он наконец-то вынырнул на поверхность. Только теперь он видит, как его затворничество повлияло на единственного человека, которому он никогда не хотел причинить боль.

Наруто вырос в одиночестве, изгоем, отверженным. Единственная доброта, которую он когда-либо испытывал, исходила от Сандайме, учителя его Академии и владельца Ичираку. Сам Какаши не сделал ничего, и хотя он любит мальчика, иногда ему невыносимо смотреть на него. Он так похож на своих родителей, и это... больно.

Как эгоистично, думает Какаши с легкой усмешкой, но действительно, когда в своей жизни он не был эгоистом? Всегда защищал себя, всегда отступал, всегда держался в стороне, пока не становилось слишком поздно. С отцом, с Обито, с Рин - возможно, если бы он только постарался, то смог бы спасти их всех.

Теперь он этого никогда не узнает.

И все равно трусость не дает ему стать для Наруто даже далеким другом. Он мог бы, если бы захотел; прошло уже достаточно времени, чтобы одинокий АНБУ, подружившийся с одиноким сиротой, не вызвал слишком много вопросов, а Какаши уже считается эксцентричным даже среди шиноби. Враги Минато уже не так заинтересованы в том, чтобы отомстить всем, кто связан с Йондайме, а Сандайме до сих пор удавалось держать существование Наруто в тайне, так что мало кто знает о порождении Минато. Какаши мог бы подойти к Наруто, угостить его раменом и обрести друга, и никто бы не обратил на это внимания.

Он уже знает, что не сделает этого.

Это жестоко, подло, эгоистично. Это ужасно, отвратительно и презренно, но он не сделает этого. Может быть, когда-нибудь. Может быть, потом.

Но не сегодня, не завтра. Какаши погряз в пучине, застрял. Понимание и прощение не избавляют от боли, и даже мысль о том, что Наруто нуждается в друге, в поддержке, не может заставить Какаши двигаться вперед.